

Научная статья

УДК 94(47).07

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-98-109

Исаакиевский собор как политическое пространство: трансформация образа и поиск интерпретаций до и после революции 1917 года

Олег Анатольевич Любезников

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

o.lyubeznikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3086-0696>

Аннотация

Рассматривается проблема трансформации имперских политических пространств в историческом контексте XVIII–XX вв. на примере архитектурной доминанты Петербурга – Исаакиевского собора, борьба за символическое присвоение которого, протекая в разных формах, отразила перипетии социально-политического развития царской, революционной и советской России. На основе документов семи петербургских архивохранилищ проанализированы интерпретативные модели, использовавшиеся в отношении собора до и после революции 1917 г. До революции собор был маркирован на символической карте Петрограда как правоконсервативный центр, храм-памятник династии Романовых. Послереволюционные десятилетия характеризуются соперничеством возможных интерпретаций – церковной, историко-архитектурной и антирелигиозной.

Ключевые слова

Исаакиевский собор, архитектор, музей, Ленинград, политическое пространство, трансформация образа

Для цитирования

Любезников О. А. Исаакиевский собор как политическое пространство: трансформация образа и поиск интерпретаций до и после революции 1917 года // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 98–109. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-98-109

Saint Isaac’s Cathedral as a Political Space: Transformation of the Image and the Search for Interpretations before and after the Russian Revolution of 1917

Oleg A. Lyubeznikov

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

o.lyubeznikov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3086-0696>

Abstract

The article analyzes the problem of transformation of imperial political spaces in the historical context of the 19th – 20th centuries. The main attention in the article is focuses on the dominant of the architectural landscape of St. Petersburg – St. Isaac’s Cathedral. The struggle for its symbolic appropriation reflected the peripeteias of the socio-political development of tsarist, revolutionary and Soviet Russia. The article aims to study the process of transformation of symbolic meaning of St Isaac’s Cathedral and to analyze all comprehension models of that monument. The initial purpose of its construction was to honor the Russian monarchy, but after the Russian Revolution it required a new inter-

© Любезников О. А., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 98–109

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 98–109

pretation that would fit new realities. Based on numerous unpublished documents from the seven archives of St. Petersburg, the author concludes that before the Revolution St. Isaac's Cathedral was marked on the symbolic map of Petrograd not only as a church but as a right-wing conservative political space, a visible monument glorifying the House of Romanov. The anti-monarchist revolution changed the fate of the building and its image forever. In the 1920s the perception of the cathedral caused a furious fight in society. It was a period of intense rivalry between three symbolic programs – exclusively church's interpretation, interpretation of the cathedral as a monument of art, and antireligious model of the "anti-temple" – "the former St. Isaac's Cathedral".

Keywords

St Isaac's cathedral, architect, museum, Leningrad, political space, transformation of image

For citation

Lyubeznikov O. A. Saint Isaac's Cathedral as a Political Space: Transformation of the Image and the Search for Interpretations before and after the Russian Revolution of 1917. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 98–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-1-98-109

Процессы изменения символического значения городского пространства, архитектурных или скульптурных памятников в современной историографии находятся в центре внимания специалистов в области исторической памяти и политики памяти. За подобными трансформациями «отчетливо проступает властная основа символической политики: изменения такого рода наглядно отражают распределение власти и специфику процедуры принятия решений» [Малинова, 2018, с. 48]. Очевидно, что наиболее острая борьба за изменение символических посланий памятников разворачивается в кризисные периоды, особенно во время революционных событий. Потому при изучении революций «не только символы, но конфликты вокруг символов должны стать объектом исследования» [Колоницкий, 2012, с. 13].

Влияние русской революции 1917 г. на архитектурно-художественный ландшафт Петрограда оказалось весьма значительным: исчезали и появлялись целые группы скульптурных монументов, изменялись декоративное убранство и даже конструктивные элементы построек, городская топонимика [Святославский, 2013, с. 280–297; Сокол, 2001, с. 15–18]. Возникшие до революции архитектурные сооружения имперской столицы, наделяемые определенными смыслами и становившиеся символами, в новых условиях превращались в точки общественного напряжения, их образы претерпевали трансформации, менялось их место на символической карте города. Кроме того, физическая сохранность построек напрямую зависела от вкладываемых в них смыслов. В весьма уязвимом положении, особенно после принятия декрета «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», оказались церковные строения. Одним из наиболее сложных примеров сооружения, поиск новых интерпретаций которого продолжался на протяжении десятилетий, является Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге.

Характеризуя историографию, посвященную Исаакиевскому собору, необходимо в первую очередь отметить нарочитую фрагментарность существующего нарратива – авторы XIX–XXI вв. интересовались преимущественно историей строительства здания [Серафимов, Фомин, 1865; Никитин, 1939; Ротач, Чеканова, 1990; Толмачева, 2018], почти не обращаясь к его дальнейшему бытованию. Еще одной особенностью сложившейся историографической ситуации можно признать известную ограниченность исследовательских ракурсов – история собора предстает историей православного храма, музеефицированного в раннесоветский период [Бутиков, Хвостова, 1974]; степень детализации рассказа об этих двух состояниях здания и их оценка варьируются (Из очага..., 1931) [Горе имеим сердца..., 2020], но сама бинарная основа нарратива – «храм – музей» – остается постоянной. Своеобразным апофеозом этого подхода, игнорирующего всю полноту, различия этапов и нюансы истории собора, ее многочисленных акторов, неоднократные изменения сложного социально-политического контекста XIX–XX столетий, можно считать новейшую диссертационную работу по культурологии [Голованова, 2019]. Ее автор, рассматривая историю Исаакиевского собора как перманентную и бесконфликтную «историю попечения государства», не столько снимает противопоставление музея храму, сколько в принципе отрицает содержательную разницу между этими институтами: «На протяжении всего периода своего создания и существования Исаа-

киевский собор является проводником государственной политики в области сохранения культурного наследия» [Голованова, 2019, с. 190]. Представляется возможным предложить иной подход к осмыслению места и роли Исаакиевского собора в царской и советской России, рассмотрев во внутривластном контексте эволюцию возникавших (подчас соперничавших друг с другом) интерпретативных моделей его репрезентации.

Появление в Санкт-Петербурге храма, освященного в честь монаха Восточной Римской империи преподобного Исаакия Далматского, день памяти которого – 30 мая по юлианскому календарю – совпадал с датой рождения царя Петра I, приходится на первые десятилетия XVIII в. Первоначально деревянную церковь на рубеже 1710–1720-х гг. сменила каменная, название же храма оставалось прежним. По замечанию Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, «церковно-культурная значимость» имени Исаакия Далматского была «скромной», Исаакий «напоминал людям Петровской эпохи в первую очередь о дне рождении их царя» [Лотман, Успенский, 2002, с. 358]. Анализируя похвальное слово, произнесенное в день рождения императора в 1723 г. петербургским проповедником Гавриилом Бужинским, литературовед Ю. В. Стенник отметил не только сугубо «календарную», но и семантическую связь бо́льшего с ересью Исаакия и Петра – «борца с тьмою и невежеством» [Стенник, 2006, с. 12]. Г. Бужинский провозглашал: «День же самый, памяти великаго в праведных Исаакия Далматского, величайшаго веры против ариан поборника и воина мужественнейшаго, украшенный, коль рождению сему приличнейший, егда в он восприят Россия и поборника своего, и воина мужественнейшаго, и защитника против неприятелей, паче же реку избавителя и торжественника преславного!» (Бужинский, 2006, с. 52) *Храм в память Исаакия Далматского оказывался одновременно храмом в честь российского монарха.*

Символическая связь собора и Петра на протяжении XVIII в. оставалась прочной, неизменной была и топографическая связь храма с детищем монарха – Адмиралтейской верфью, по периметру которой и располагались сменявшие друг друга Исаакиевские церкви, посещавшиеся кораблями. Алтарь одного из приделов возводимого при Екатерине II по проекту архитектора А. Ринальди третьего по счету Исаакиевского собора (на месте современного, четвертого) должен был быть освящен в честь святого Николая Чудотворца (Богданов, 1779, с. 319), покровителя моряков, чье имя носил ботик Петра Великого – «дедушка русского флота» [Ларионов, 1976, с. 60].

Однако именно с царствования Екатерины II начинается процесс трансформации символического значения собора [Ананьев, 2012]. Так, алтарь другого придела строившегося храма планировалось освятить в честь святых Кира и Иоанна, в день памяти которых Екатерина приняла православие, а несколько позднее вступила на престол [Там же, с. 73–74]. *Собор в честь святого Исаакия призван был таким образом увековечить уже не единственного российского монарха.* Кроме того, богатство мраморной отделки храма должно было соответствовать его откорректированной роли в публичном пространстве столицы. Хотя решение «дом Бестужева-Рюмина, состоящий на Неве реке близ Исаакиевской церкви, взять под Сенат» принимал еще Петр III, фактически переезд высшего государственного учреждения монархии состоялся в екатерининский век [История Правительствующего Сената..., 1911, с. 13]. Став соседствовать с одним из административных органов, созданных Петром Великим, *Исаакиевский собор оказался включенным в пространство власти.*

Не будет ошибкой утверждение, что все последующие годы имперского периода мемориальное, идеологическое значение Исаакиевского собора если не превалировало над религиозным, то конкурировало с ним. Символическая связь здания с российскими монархами становилась все очевиднее. Решение императора Павла достроить третий Исаакиевский собор в кратчайший срок без использования природных мраморов для облицовки кирпичных фасадов и с искажениями первоначального замысла А. Ринальди породило известную эпиграмму, приписываемую лейтенанту Акимову:

Се памятник двух царств,
Обоим столь приличный:

Основа его мраморна,
А верх его кирпичный
(Де Санглен, 1882, с. 490–491).

Особенности внешнего облика здания увязывались со спецификой правления того или иного императора. Образ Исаакиевского собора стал маркировать царствования.

Александр I инициировал частичную перестройку здания собора, стремясь, по-видимому, с его помощью сохранить в городском ландшафте память не только об основателе империи Петре Великом, но и о Екатерине II. Разработка проекта нового храма-памятника архитектором Огюстом Монферраном пришлось на эпоху пика внешнеполитического могущества Российской империи, и четвертый (нынешний) Исаакиевский собор (1818–1858) визуально оказался внешне решен как европейский (интернациональный) классицистический храм. Украшенный многоколонными гранитными портиками, по образцу портика римского Пантеона, гигантскими скульптурными рельефами, бронзовыми статуями, облицованный натуральным камнем (мраморами, кварцитом) Исаакий О. Монферрана может быть помещен в один ряд с величайшими соборами Старого Света¹.

Работы по созданию интерьера собора проходили уже в ином политическом контексте, в царствование Николая I в 1840-е – начале 1850-х гг. Его «сценарий власти», по точному замечанию Р. Уортмана, предполагал, что зодчество используется «для демонстрации национальных свойств монархии», николаевская церковная «архитектура взяла на себя повествовательную историческую функцию, <...> стерла разрыв между петровской и московской Россией и ввела древнюю русскую историю во всеобщую перспективу» [Уортман, 2002, с. 498, 503]. Найденная идеологическая формула – уваровская триада – должна была получить зримое воплощение в оформлении Исаакиевского собора. Как указывала Е. И. Кириченко, один из крупнейших отечественных искусствоведов, собор явился «материализованным воплощением идеи официальной народности» [Кириченко, 2001, с. 224]. Интерьер, несмотря на сохранение О. Монферраном ориентации на стилистику ампира, буквально «кричит» о казавшейся неразрывной симфонии русской церковной и царской власти. Боковые приделы храма освящены в честь святой великомученицы Екатерины и святого князя Александра Невского, рассматривавшихся как небесные покровители монархов-предшественников Николая I. Изображения этих святых оказались помещены и на плафонах приделов, парные им в западной части здания – изображения небесных покровителей Петра I и самого Николая I – лики святого Исаакия Далматского и святой Февронии (Николай родился в день памяти святой). Плафон главного купола также символически «нагружен» – показана Богородица с предстоящими святыми Иоанном Предтечей, Иоанном Богословом, «а на остальном пространстве – Ангелами хранителями Членов Августейшего Дома» [Серафимов, Фомин, 1865, с. 71] – изображены апостолы Петр и Павел, святой Исаакий Далматский, святой Александр Невский, святая Анна, святая Елизавета, святая Екатерина, святой Алексей, святой Константин и святой Николай Чудотворец [Хвостова, 2016]. Идея увязать собор с царствующей династией проявилась и в оформлении главного иконостаса. «По сторонам царских врат две местные, владычные иконы – Спасителя и Божией Матери. От образа Спасителя направо – иконы преподобного Исаакия Далматского, Святителя Николая и св. апостола Петра. За иконою Божией Матери налево – иконы св. благоверного великого князя Александра Невского, св. великомученицы Екатерины и св. апостола Павла. <...> Лики святых, помещенных в этом нижнем ярусе, изображают Ангелов хранителей всех Державных Строителей Собора, начиная от первоначального его основателя – императора Петра I до благополучно царствующего ныне Довершителя его императора Александра II», – сообщало первое полное официальное описание храма 1865 г. [Серафимов, Фомин, 1865, с. 76]. Во втором ярусе главного иконостаса были показаны святые, соименные другим представителям императорской фамилии, – «Ангелы хранители прочих Членов Царствующего дома» [Там же]. Еще в ходе работ Нико-

¹ Пять золоченых куполов собора, правда, скорее соответствуют российской традиции храмового зодчества.

лай I придавал огромное значение этим изображениям святых, лично просматривая подготовительные картоны художника-исполнителя Т. Неффа и высказывая замечания, например, «облагородить фигуру апостола Петра»². Решение интерьера Исаакиевского собора объединяло православие и самодержавие Николаевской эпохи. Декларация этого единства обнаруживается и в декоре дверей здания (их внешние и внутренние рельефы посвящены «небесным патронам» членов династии), и в росписях, открыто изображающих русских правителей – Владимира I, Петра Великого и т. д. Таким образом, работы по созданию интерьера Исаакиевского собора символически усложнили его: *собор стал символом незыблемости российской монархии, из памятника Петру I превратился в памятник и Николаю I и всей династии Романовых.*

Хотя история бытования собора как кафедрального храма после освящения в 1858 г. вплоть до революции 1917 г. детально не изучена и не прописана, можно предположить, что найденная в момент его освящения *интерпретация как храма-памятника, прославляющего монархию*, оставалась доминирующей. Сама действовавшая система управления и заведования зданием подчеркивала особый статус собора: надзор за состоянием памятника, ремонтно-реставрационные работы осуществляло Техническо-Художественное Собрание, подведомственное Министерству внутренних дел; хозяйственные вопросы, в том числе деятельность духовенства собора, разрешались Хозяйственным управлением от Синода; спорные случаи, однако, разбирать должен был министр внутренних дел (Преображенский, 1911, с. 3)³.

Символическое послание памятника было выражено главным образом архитектурно-художественными средствами, собор оказывал пассивное влияние своим обликом. Но на рубеже 1870–1880-х гг. образ Исаакия несколько корректируется – отныне это «живой» храм-памятник, центр прямой монархической агитации. Трансформация обусловлена внутривластным контекстом – сама идея монархии была поставлена под сомнение народофильским террором. Соборный староста и одновременно многолетний сотрудник Министерства внутренних дел генерал Е. В. Богданович начал издание распространявшихся бесплатно брошюр «Кафедра Исаакиевского собора», содержащих проповеди клириков⁴. На обложках мартовских 1881 г. выпусков «Кафедры» графическое изображение Исаакиевского собора оказалось помещено в терновый венец – символ мученической кончины погибшего императора Александра II (см. рисунок).

Титульный лист издания
«Кафедра Исаакиевского собора».
1881. Вып. 31
Title page of the publication
“Chair of St. Isaac’s Cathedral”.
1881. Iss. 31

Промонархическая ультраправая риторика сохранялась на страницах «Кафедры» и в начале XX в., в период революции 1905–1907 гг. Символическая «спаянность» Исаакиевского собора и российской монархии подчеркивалась в это время и в массовой печати, напрямую не связанной с духовенством собора. Образ собора присутствовал на открытках в честь 200-летия Петербурга, соседствуя с фигурой основателя города, императора Петра I, и на открытках в честь 300-летия династии Романовых. Весьма популярным на открытках начала XX в. было изображение Исаакиевско-

² РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1257. Л. 58 об.

³ Там же. Ф. 502. Оп. 4. Д. 4. Л. 1 об., 2, 8 об.

⁴ История возникновения, механизм подготовки и порядок финансирования «Кафедры» остаются не до конца выясненными. Известно, что Е. В. Богдановичу благоволил министр внутренних дел Л. С. Маков, возможно, и П. А. Валуев. См.: [Друзин, 2020, с. 100].

го собора как фона для памятника Петру I «Медный всадник». Собор представлял неотъемлемым элементом Петербурга-Петрограда, столичным символом, связывающим ее с монархией. К исходу имперского периода Исаакиевский собор символически оказался прочно связан с самодержавной властью, *став политическим пространством*.

Революционные события 1917 г., отречение представителей династии Романовых от престола, падение самодержавия, отразившись на всем ходе российской истории, обусловили вынужденные перемены в судьбе Исаакиевского собора. Отсутствие достаточного финансирования в первое десятилетие советской власти, а также давние особенности проектирования и строительства привели сооружение в аварийное состояние [Любезников, 2017], претерпел изменения и образ храма.

Прежний образ собора обесмертил А. И. Куприн. Героям его повести «здания не видно», только дрожащий в воздухе купол Святого Исаакия Далматского (Куприн, 1992, с. 74) – собор как символ монархической (утраченной) России сохранился в эмиграции. В Петрограде же различные акторы стремились получить контроль над зданием, сохранить его (в той или иной степени), обязательно изменив, однако, его символическое послание. Представляется чрезвычайно важным для лучшего понимания всей сложности протекавших в Исаакиевском соборе в первое послереволюционное десятилетие процессов попытаться выделить возникшие в тот период новые интерпретативные модели постройки. На наш взгляд, 1920-е гг. стали временем конкуренции образов собора, *периодом острого соперничества трех символических программ*.

Первую модель восприятия задали представители сформированной в соответствии с инструкцией «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”» церковной общины – «двадцатки» (по числу членов общины). Взяв на себя (по условиям заключенного 21 декабря 1919 г. договора с Районным Советом рабочих и крестьянских депутатов 2-го Городского района Петрограда) формальные обязательства по заведованию сооружением и его ремонту и не имея возможности выполнять последний, «двадцатка» и среди прихожан, и в переписке (посредством Приходского совета) с органами советской власти представляла Исаакиевский собор почти исключительно⁵ как православный храм, отказавшись от увязывания его с рухнувшей монархией. Эта *«утилитарная модель» Исаакия как приходской церкви* в случае ее утверждения, нивелируя мемориальную ценность здания, потенциально угрожала самой его сохранности, неприкосновенности его интерьера. По мере превращения советской антицерковной политики в антирелигиозную на протяжении 1920-х гг. такая интерпретация собора, даже формальные параметры которого (высота в 101,5 метра) не соответствовали рядовой церковной архитектуре, не могла «удержаться».

Другую модель транслировали наблюдавшие за техническим состоянием здания еще с до-революционного времени (в том числе в рамках Техническо-Художественного Совещания) профессиональные архитекторы – профессора и выпускники Академии художеств, которые видели в соборе в первую очередь требовавший перманентной реставрации памятник искусства. У истоков этой интерпретации – архитектор Михаил Тимофеевич Преображенский (1854–1930), профессор-руководитель персональной мастерской на Архитектурном отделении Высшего художественного училища при Академии художеств, фактически возглавлявший Техническо-Художественное Совещание с начала 1910-х гг.⁶ Уже в решении совеща-

⁵ Лишь осенью 1925 г. при смене одной «двадцатки» на другую представители последней в заявлении в Стол регистрации обществ и союзов Исполкома Центрального района Ленинграда взяли обязательство сохранять собор «как имеющий художественную ценность как исторический памятник <...> как памятник Русской Архитектуры». См.: ЦГА СПб. Ф. 56. Оп. 4. Д. 10. Л. 141. Акцент на художественной ценности собора в этом обращении в первую очередь связан с активизацией с лета 1925 г. представителей Ленинградского отделения Главнауки, инспектировавших здание именно вследствие его историко-художественной ценности. Таким образом, «двадцатка» попыталась как бы «присвоить» конкурирующую с ее собственной интерпретацию собора.

⁶ В 1918 г. М. Т. Преображенский в Техническо-Художественном Совещании был «инспектором работ», архитекторы В. В. Суслов и К. В. Маковский и живописец В. Е. Маковский – членами.

ния от 9 марта 1918 г. об обращении к Народному Комиссару А. В. Луначарскому с ходатайством о выделении финансовых средств «для поддержания Собора» здание было прямо названо «памятником, имеющим высокохудожественные достоинства и крупную государственную ценность»⁷. 28 июля 1919 г. М. Т. Преображенский составил и через два дня представил на заседании Археологического отдела Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса «Пояснительную записку к проектируемому помещению архива в здании Исаакиевского собора». М. Т. Преображенский предложил «в чердаке здания собора над северо-восточным приделом» организовать «помещение архива, удобное, как музей, для посещения посторонними лицами» и сосредоточить в здании собора всю совокупность документов по истории проектирования, строительства и оформления здания. Архитектор полагал, что такой архив, включающий не только чертежи, рисунки и эскизы, но и «оригиналы икон и живописных картин, замененных мозаикой», и «не сложные модели», должен находиться именно в самом соборе, чтобы посетитель имел возможность осмотреть и его и само здание одновременно, познакомиться «с конструкцией здания и с историей сооружения *грандиозного памятника, в который вложено столько таланта и 45 лет народного труда*» (курсив наш. – О. Л.)⁸. Уже в 1919 г. М. Т. Преображенский использует риторику, характерную для новой революционной власти, соединяя процесс строительства Исаакиевского собора с дискурсом труда. Эту же линию он продолжит в 1922 г., составив записку против изъятия церковных ценностей из Исаакия. В ней М. Т. Преображенский подчеркивал коллективный характер работы по возведению Исаакиевского собора. «Исаакиевский собор не следует рассматривать как индивидуальное творчество архитектора Монферрана – автора первоначального проекта и строителя собора. Исторические данные свидетельствуют, что творчество это коллективного характера, так как в разработке проекта и создании самого храма принимали участие почти все выдающиеся художественные и технические силы страны, начиная с архитекторов, инженеров, живописцев, скульпторов, мозаичистов и кончая мастерами разных цехов». Избегая каких бы то ни было упоминаний о том, что в соборе проходят богослужения, о том, что это церковь, М. Т. Преображенский старательно подчеркивает его значение именно как памятника искусства: «...здание собора со всей обстановкой и утварью, выполненное от А до Z по тщательно разработанным чертежам и рисункам известных художников, является наиболее выразительным и грандиозным памятником искусства в России XIX столетия»⁹.

В том же 1922 г. М. Т. Преображенский в полугодовом отчете, по-видимому, как сотрудник Академии истории материальной культуры сообщил о подготовке экспозиции «*небольшого музея при самом здании собора*»¹⁰ (спустя год архитектор представлял себе музей как «музей построения, охраны и поддержания памятника при самом же здании Исаакиевского собора»¹¹).

М. Т. Преображенским и его учениками по Академии художеств, младшими (беспартийными, как и он сам) коллегами-архитекторами по различным учреждениям, занятым охраной петроградских памятников, в том числе по Ленинградской Государственной Реставрационной мастерской¹², – Николаем Петровичем Никитиным (1884–1971), Александром Петровичем Удаленковым (1887–1975) – в 1920-е гг. *Исаакиевский собор был интерпретирован как выдающийся памятник искусства*. Ими было предложено зафиксировать этот образ с помощью музея, в каковом виделся инструмент сохранения здания во всей его целостности.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 31. Л. 86 – 86 об.

⁸ Архив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга. Ф. 59. П-178. Л. 311 – 311 об.

⁹ РГИА. Ф. 502. Оп. 4. Д. 11. Л. 38–41.

¹⁰ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 36. Оп. 1. Д. 122. Л. 7 об.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Научный архив Российской Академии художеств. Ф. 42. Оп. 1. Д. 12. Л. 3; Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. Ф. 2. Оп. 3. Д. 790. Л. 1.

Будучи приверженцами «национального стиля» в русской дореволюционной архитектуре (под которым понимался и русский классицизм), эти архитекторы-реставраторы подчеркивали роль не столько главного архитектора собора О. Монферрана, сколько отечественных зодчих и других мастеров, работавших над возведением здания. Это делало предлагаемую интерпретацию близкой утвердившимся идеологическим установкам, однако она лишь ретушировала религиозное назначение собора¹³ и открыто не отвергала его монархическое символическое послание.

Третью модель интерпретации Исаакиевского собора, появление которой относится к рубежу 1920–1930-х гг., можно считать радикальной – это *модель антихрама* – «бывший Исаакиевский собор». Такое дополнение получило к собственному наименованию открывшееся в здании собора в 1931 г. учреждение – Государственный антирелигиозный музей. Закреплявшая интерпретацию коллективная монография руководителей музея под весьма характерным заглавием «Из очага мракобесия в очаг культуры», написанная в том же 1931 г., акцентировала внимание читателей на трудностях при рождении музея: «Борьба за превращение собора в антирелигиозный музей велась в течение трех лет» (Из очага..., 1931, с. 9). Действительно, еще летом-осенью 1928 г. Н. П. Никитин как сотрудник Реставрационной мастерской стал готовить к открытию (буквально перевозить экспонаты) первую, сугубо историко-художественную, соответствующую замыслам М. Т. Преображенского, выставку в изъятom у «двадцатки» по постановлению Президиума ВЦИК соборе. Но предложенная им концепция встретила противодействие в Управлении Уполномоченного Наркомпроса в Ленинграде, и летом 1930 г. собор был передан в ведение Областного отдела народного образования, чтобы музей строился «по единому плану с работой Дома Безбожника»¹⁴. Именно Ленинградский Областной совет Союза воинствующих безбожников (СВБ) явился тем актором, что разработал *модель бывшего собора*. Как указывал первый директор Антирелигиозного музея Л. Н. Финн, «три года Областной совет СВБ ожесточенно бился с тогдашними руководителями собора¹⁵ за это дело» (Из очага..., 1931, с. 9). Борьба за «овладение» собором как реальным объектом сочеталась с борьбой за его «правильное» семантическое прочтение.

Поскольку документально обоснованной и целостной истории Антирелигиозного музея еще не создано, можно пока лишь с некоторой осторожностью отметить, что на персональном уровне важное место в работе музея (и в деле поддержания *образа антихрама*) занимали молодые кадры. Это были студенты и выпускники Историко-лингвистического факультета Ленинградского университета (Ленинградского института истории, философии и лингвистики), в первую очередь, естественно (хотя это и никогда не отмечалось в историографии об Исаакиевском соборе), группировавшиеся вокруг главы Ленинградского Областного совета СВБ, профессора, заведующего отделением по истории религии ЛИФЛИ [Шахнович, Чумакова, 2016, с. 63] Николая Михайловича Маторина. В 1920-е гг. Н. М. Маторин – секретарь председателя Петроградского совета Г. Е. Зиновьева, виражи карьеры которого отразились в итоге и на судьбе Н. М. Маторина, и, по-видимому, на судьбе Антирелигиозного музея

¹³ Нет данных о том, что М. Т. Преображенский и Н. П. Никитин в период нахождения собора «в безвозмездном бессрочном пользовании» у церковной «двадцатки» в 1920-е гг. открыто призывали изъять собор из ее ведения. А. П. Удаленков предлагал субсидировать «двадцатку», чтобы та могла вести хотя бы срочные ремонтные работы по памятнику. См.: ЦГА СПб. Ф. 56. Оп. 4. Д. 10. Л. 74. Безусловно, приоритетным для архитекторов было сохранение здания, а не конкретной церковной общины. Конфликт интерпретаций разворачивался на фоне конфликта за управление собором, поощряемого городской властью на излете 1920-х гг.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 4. Д. 8. Л. 84.

¹⁵ Ленинградской государственной реставрационной мастерской во главе с А. П. Удаленковым. Он еще в январе 1929 г. предлагал открыть собор «без какой-либо выставки», манифестируя тем самым, что модель «собор как памятник искусства» по самой сути своей является консервацией здания во всей целостности.

в середине 1930-х гг.¹⁶, когда поиск интерпретаций Исаакиевского собора продолжился с новой силой.

Революция 1917 г. разрушила казавшуюся неделимой семантическую связь петроградского Исаакиевского собора и монархии Романовых. Расположение, колоссальные размеры здания, уникальный декор, – все эти сугубо внешние (даже если речь идет об интерьере) параметры уже сами по себе требовали осмысления, интерпретации, которая соответствовала бы новому антимонархическому контексту. 1920-е гг. стали временем первых поисков таковой. Сложная картина борьбы за присвоение собора не может быть сведена к простому противопоставлению «храм – музей» или «верующие – большевики», «Церковь – советская власть». История Исаакиевского собора в 1917–1931 гг. – иллюстрация сложности социально-политических процессов в раннесоветской России.

Список литературы

- Ананьев В. Г.** От Иерусалимского храма до памятника царю: К семиотике третьего Исаакиевского собора // Вестник литературы, истории и искусства. 2012. Т. 8. С. 72–82.
- Бутиков Г. П., Хвостова Г. А.** Исаакиевский собор. Л.: Лениздат, 1974. 165 с.
- Голованова А. В.** История Исаакиевского собора как отражение культурной политики государства: Дис. ... канд. культурологии. СПб., 2019. 213 с.
- Горе имеем сердца!: к 30-летию возрождения богослужений в Исаакиевском соборе / Сост. А. В. Голованова, В. О. Яковлев. СПб.: ГМП «Исаакиевский собор», 2020. 40 с.
- Друзин М. В.** Е. В. Богданович: общественный деятель пореформенного времени // Российская история. 2020. № 1. С. 91–101. DOI 10.31857/S086956870008275-3
- История Правительствующего Сената за 200 лет: 1711–1911. СПб.: Сенатская тип., 1911. Т. 5. 244 с.
- Кириченко Е. И.** Запечатленная история России. Монументы XVIII – начала XX века. М.: Жираф, 2001. Кн. 1: Архитектурный памятник. 352 с.
- Колоницкий Б. И.** Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Лики России, 2012. 320 с.
- Ларионов А. Л.** Ботик Петра I // Судостроение. 1976. № 7. С. 59–64.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А.** Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 349–361.
- Любезников О. А.** Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М. Т. Преображенский, Н. П. Никитин, А. П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб.: ЛЕМА, 2017. 68 с.
- Малинова О. Ю.** Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб., 2018. С. 27–53.
- Никитин Н. П.** Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л.: Ленингр. отд-ние Союза сов. архитекторов, 1939. 348 с.
- Ротач А. Л., Чеканова О. А.** Огюст Монферран. Л.: Стройиздат, 1990. 221 с.
- Святославский А. В.** История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013. 592 с.
- Серафимов В. И., Фомин М. И.** Описание Исаакиевского собора в С.-Петербурге, составленное по официальным документам. СПб.: Тип. Гогенфельдена и К^о, 1865. 193 с.
- Сокол К. Г.** Монументы империи: Описание двухсот наиболее интересных памятников императорской России. М.: Грантъ, 2001. 455 с.
- Стенник Ю. В.** Петр I в русской литературе XVIII века // Петр I в русской литературе XVIII века (Тексты и комментарии). СПб., 2006. С. 3–50.

¹⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 25. Оп. 2. Д. 2000. Л. 10–11.

- Толмачева Н. Ю.** Исаакиевский собор. История строительства. СПб.: Политехника-принт, 2018. 320 с.
- Уортман Р. С.** Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.
- Хвостова Г. А.** О росписи К. П. Брюлловым купола Исаакиевского собора // Петербургские искусствоведческие тетради. Статьи по истории искусства. СПб., 2016. С. 74–83.
- Шахнович М. М., Чумакова Т. В.** Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. 365 с.

Список источников

- Богданов А. И.** Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб.: Тип. Военной коллегии, 1779. 528 с.
- Бужинский Г.** Sermo panegyricus in diem natalem Serenissimi ac Potentissimi Petri Magni // Петр I в русской литературе XVIII века (Тексты и комментарии). СПб., 2006. С. 51–61.
- Де Санглен Я. И.** Записки // Русская старина. 1882. Т. 36, № 12. С. 443–498.
- Из очага мракобесия в очаг культуры: Сб. ст. Л.: Огиз-Прибой, 1931. 84 с.
- Куприн А. И.** Купол Святого Исаакия Далматского // Куприн А. И. Эмигрантские произведения. Купол Святого Исаакия Далматского. Извощик Петр. М., 1992. С. 10–82.
- Преображенский М. Т.** Отчет по командировке собранием Академии художеств в междоуведомственную комиссию по Исаакиевскому собору для выяснения необходимого ремонта по зданию и исчислению потребных на то средств. СПб.: Тип. СПб. градонач, 1911. 32 с.

References

- Ananyev V. G.** Ot Ierusalimskogo khrama do pamyatnika tsaryu: K semiotike tret'ego Isaakievskogo sobora [From Jerusalem Temple to the Tsar's Monument: The Semiotics of the Third St. Isaac's Cathedral]. *Vestnik literatury, istorii i iskusstva* [Bulletin of Literature, History and Arts], 2012, vol. 8, pp. 72–82. (in Russ.)
- Butikov G. P., Khvostova G. A.** Isaakievskii sobor [St. Isaac's Cathedral]. Leningrad, Lenizdat, 1974, 165 p. (in Russ.)
- Druzin M. V.** E. V. Bogdanovich: obshchestvennyi deyatel' poreformennogo vremeni [E. V. Bogdanovich: Public Figure of the Post-Reform Period]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2020, no. 1, pp. 91–101. (in Russ.) DOI 10.31857/S086956870008275-3
- Golovanova A. V.** Istoriya Isaakievskogo sobora kak otrazhenie kul'turnoi politiki gosudarstva [The History of St. Isaac's Cathedral as a Reflection of the Cultural Policy of the Russian State]. Cand. Sci. (Culturology) Diss. St Petersburg, 2019, 213 p. (in Russ.)
- Golovanova A. V., Yakovlev V. O.** (comp.). Gore imeim serdtsa!: k 30-letiyu vozrozhdeniya bogoslužhenii v Isaakievskom sobore [Sursum corda! On the 30th Anniversary of the Revival of Worship in St. Isaac's Cathedral]. St. Petersburg, GMP "Isaakievskii sobor", 2020, 40 p. (in Russ.)
- Istoriya Pravitel'stvuyushchego Senata za 200 let: 1711–1911 [A History of the Governing Senate for 200 years: 1711–1911]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1911, vol. 5, 244 p. (in Russ.)
- Khvostova G. A.** O rospisi K. P. Bryullovym kupola Isaakievskogo sobora [About the Painting by K. P. Bryullov Domes of St. Isaac's Cathedral]. In: *Peterburgskie iskusstvovedcheskie tetrad'i. Stat'i po istorii iskusstva* [Petersburg Art History Notebooks. Articles on the History of Art]. St. Petersburg, 2016, pp. 74–83. (in Russ.)

- Kirichenko E. I.** Zapechatlennaya istoriya Rossii. Monumenty XVIII – nachala XX veka [Reflected History of Russia. Monuments of the 18th – Early 20th Century]. Moscow, Zhiraf, 2001, book 1: Arkhitekturnyi pamyatnik [Architectural Monument], 352 p. (in Russ.)
- Kolonitsky B. I.** Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revolyutsii 1917 g. [Symbols of Power and Power Struggle: On the Study of the Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. St. Petersburg, Liki Rossii, 2012, 320 p. (in Russ.)
- Larionov A. L.** Botik Petra I [The Boat of Peter I]. *Sudostroenie* [Shipbuilding], 1976, no. 7, pp. 59–64. (in Russ.)
- Lotman Yu. M., Uspensky B. A.** Otvzuki kontseptsii “Moskva – tretii Rim” v ideologii Petra Pervogo (K probleme srednevekovoi traditsii v kul'ture barokko) [Echoes of the Concept “Moscow – the third Rome” in the Ideology of Peter the Great (On the Problem of Medieval Tradition in Baroque Culture)]. In: Lotman Yu. M. Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury [The History and Typology of the Russian Culture]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 2002, pp. 349–361. (in Russ.)
- Lyubeznikov O. A.** Isaakievskii sobor v 1917–1920-e gg. Arkhitektory M. T. Preobrazhenskii, N. P. Nikitin, A. P. Udalenkov i problema muzeifikatsii pamyatnika [St. Isaac's Cathedral in 1917–1920s. Architects M. T. Preobrazhensky, N. P. Nikitin, A. P. Udalenkov and the Problem of Museumification of the Monument]. St. Petersburg, LEMA Publ., 2017, 68 p. (in Russ.)
- Malinova O. Yu.** Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [The Politics of Memory as an Element of Symbolic Politics]. In: Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati [Methodological Issues of Studying the Politics of Memory]. Moscow, St. Petersburg, 2018, pp. 27–53. (in Russ.)
- Nikitin N. P.** Ogyust Monferran. Proektirovanie i stroitel'stvo Isaakievskogo sobora i Aleksandrovskoi kolonny [Auguste Montferrand. The Design and Construction of St. Isaac's Cathedral and the Alexander Column]. Leningrad, Leningradskoe otdelenie Soyuza sovetskikh arkhitektorov, 1939, 348 p. (in Russ.)
- Rotach A. L., Chekanova O. A.** Ogyust Monferran [Auguste Montferrand]. Leningrad, Stroiizdat, 1990, 221 p. (in Russ.)
- Serafimov V. I., Fomin M. I.** Opisanie Isaakievskogo sobora v S.-Peterburge, sostavlennoe po ofitsial'nym dokumentam [The Description of St. Isaac's Cathedral in St. Petersburg, Compiled According to Official Documents]. St. Petersburg, Tipografiya Gogenfel'dena i K^o, 1865, 193 p. (in Russ.)
- Shakhnovich M. M., Chumakova T. V.** N. M. Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v ehpokhu kul'turnoi revolyutsii v SSSR [Ideology and Science. The Study of Religion in the Era of the Cultural Revolution in the USSR]. St. Petersburg, Nauka, 2016, 365 p. (in Russ.)
- Sokol K. G.** Monumenty imperii: Opisanie dvukhsot naibolee interesnykh pamyatnikov imperatorskoi Rossii [Monuments of the Empire: Description of the Two Hundred Most Interesting Monuments of Imperial Russia]. Moscow, Grant, 2001, 455 p. (in Russ.)
- Stennik Yu. V.** Petr I v russkoi literature XVIII veka [Peter I in the Russian Literature of the 18th Century]. In: Petr I v russkoi literature XVIII veka (Teksty i kommentarii) [Peter I in the Russian Literature of the 18th Century (Texts and Commentaries)]. St Petersburg, 2006, pp. 3–50. (in Russ.)
- Svyatoslavsky A. V.** Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov [The History of Russia in the Mirror of Memory. Mechanisms for the Formation of Historical Images]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2013, 592 p. (in Russ.)
- Tolmacheva N. Yu.** Isaakievskii sobor. Istoriya stroitel'stva [Saint Isaac's Cathedral. The History of the Construction]. St. Petersburg, Politekhniko-print, 2018, 320 p. (in Russ.)
- Wortman R. S.** Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Moscow, OGI, 2002, vol. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I [From Peter the Great to the Death of Nicholas I], 608 p. (in Russ.)

List of Sources

- Bogdanov A. I.** Istoricheskoe, geograficheskoe i topograficheskoe opisanie Sankt-Peterburga, ot nachala zavedeniya ego, s 1703 po 1751 god [Historical, Geographical and Topographic Description of St. Petersburg, from Its Foundation, from 1703 to 1751]. St. Petersburg, Tipografiya Voennoi kollegii, 1779, 528 p. (in Russ.)
- Buzhinsky G.** Sermo panegyricus in diem natalem Serenissimi ac Potentissimi Petri Magni. In: Petr I v russkoi literature XVIII veka (Teksty i kommentarii) [Peter I in the Russian Literature of the 18th Century (Texts and Commentaries)]. St. Petersburg, 2006, pp. 51–61. (in Russ.)
- De Sanglen Ya. I.** Zapiski [Notes]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1882, vol. 36, no. 12, pp. 443–498. (in Russ.)
- Iz ochaga mrakobesiya v ochag kul'tury [From the Center of Obscurantism to the Center of Culture]. Leningrad, Ogiz-Priboi, 1931, 84 p. (in Russ.)
- Kuprin A. I.** Kupol Svyatogo Isaakiya Dalmatskogo [The Dome of Saint Isaac of Dalmatia]. In: Kuprin A. I. Emigrantskie proizvedeniya. Kupol Svyatogo Isaakiya Dalmatskogo. Izvoshchik Petr [The Emigrant Works. The Dome of Saint Isaac of Dalmatia. The Carrier Peter]. Moscow, 1992, pp. 10–82. (in Russ.)
- Preobrazhensky M. T.** Otchet po komandirovke sobranie Akademii khudozhestv v mezhdovedomstvennyu komissiyu po Isaakiyevskomu soboru dlya vyyasneniya neobkhodimogo remonta po zdaniyu i ischisleniyu potrebnym na to sredstv [The Report on a Trip by the Collection of the Academy of Arts to the Interdepartmental Commission for St. Isaac's Cathedral to Determine the Necessary Repairs of the Building and the Calculation of the Funds Required for this]. St. Petersburg, Tipografiya Sankt-Peterburgskogo gradonachal'stva, 1911, 32 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Олег Анатольевич Любезников, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57219053706
WoS Researcher ID G-2343-2019

Information about the Author

Oleg A. Lyubeznikov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57219053706
WoS Researcher ID G-2343-2019

*Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 02.05.2022; принята к публикации 22.05.2022
The article was submitted on 10.02.2022;
approved after reviewing on 02.05.2022; accepted for publication on 22.05.2022*